

РИЧАРД УИЛБЕР

*С английского **

Событие

Как горсть семян, влетающих обратно
В ладонь, вся местность мелких черных птиц
Взмывает в центр небес, и непонятно,
Что заставляет их лететь на юг,
Не зная ни сомнений, ни границ,
С родных полей и далее снявшись вдруг.

Где индивидуальность? Туча стаи —
Как отпечаток пальца в небесах!
Мгновенным образом я заставляю
Их, опрометчивых, застыть на миг
В моих не столь стремительных зрачках,
В не столь летучих помыслах моих.

Они роятся, небеса безумя.
Распалась стая, птицы по одной
Из глаз исчезли, и силком раздумий
Остановить их вновь — напрасный труд.
Меж тем, образовавши в небе строй,
Они летят и мысли вдаль влекут.

Меня возносят к небу птичьи крылья,
Я их стараюсь прикрепить к земле.
Вся сила слов и все словес бессилье
Так явственны, и видно в этот миг,
За птицами скользящий на крыле,
Каким извечным спором создан мир.

* РИЧАРД УИЛБЕР — Стихи (*Перевод с английского А. Сергеева, П. Грушко*)
// *Современная американская поэзия* (М.: Прогресс, 1975), 244–257.
Некоммерческое электронное издание. «*Im Werden Verlag*», 2008.
<http://imwerden.de>

Развивая Ламарка

Окружающая среда создает орган.

Ламарк

Не правы древние, в глазницах нет
Сиянья, что из них спешит пролиться:
Не наше зренье осветило свет,
Но солнце отворило нам зеницы.

Не в нашем ухе зародился звук,
Но слух наш породило птичье пенье:
Дрожащий воздух, полня все вокруг,
Смог даже Трою вызволить из тленья.

Податливость ручьев, упорство гор,
Отрава ягод, лилий волхвованье
Ввели в неведомое до сих пор,
Дав осязанье, вкус и обонянье.

Там все извне, но тут наоборот,
Тут чувство равновесья ищет заводь
Средь темных мыслей, как средь бурных вод.
Но только разум обучает плавать.

Ньютонов счет на лирах наших дней
Ведет нас к небывалым ощущениям,
А у потоков мыслей и страстей
Сирены, как всегда, смущают пеньем.

Совет пророку

Когда ты придешь, — а ждать осталось немного, —
Обезумевший от всего, что увидел в пути,
Не проклиная, а заклиная именем бога
Себя самих пожалеть и спасти, —

Не пугай нас оружием, его глобальностью, длинной
Ракетою чисел, буравящей наши умы.
Медленным нашим сердцам не угнаться за счетной машиной,
Мы не можем бояться того, что не ведаем мы.

Не пугай апокалипсисом наше племя живое.
Как можно представить это пространство без нас?
Солнце — лишь пламенем, лес — неодушевленной листвою,
Камень — лишенным внимательных глаз?

Говори о мытарствах природы. Не веря в слепые угрозы,
Мы верим лишь горькому опыту, а не ворожбе:
Вот распадается облако, и чернеют от холода лозы,
И пейзаж умирает. Мы поверим тебе,

Если ты скажешь, что белохвостый олень превратится
В совершенную тень, растворившись во мгле,
Что даже от наших взглядов будет прятаться птица,
И дикарка-сосна засохнет на голой скале,

И каждый поток умрет на каменном ложе,
Подобно Ксанфу, и вся форель — до мальков —
Всплывет вверх брюхом. Кем будем мы, что мы сможем
Без дельфиных прыжков и голубиных витков?

Без вещей, которые нас отражали, нас выражали?
Подумай, пророк, как себя мы отыщем в своем
Естестве, если исчезнет язык этой дали,
Если зеркало помутится или мы его разобьем —

Зеркало, где алеет роза любви, и где скачет
Мустанг отваги, и поет печальный сверчок
В подвале души? Где каждый что-то да значит
Или хотел бы значить? Подумай, пророк,

Если розы погибнут, — разве в то же мгновенье
Не увянут и наши сердца среди вымерших трав?
Разве мир не окутает беспросветное омертвенье, —
Когда обезлиствеют бронзовые архивы дубрав?

После последних известий

После последних известий окна темнеют
И город стремительно тонет, касаясь ночного дна,
Каждый скатывается на своей личной подушке
В Атлантиду персонального сна.

А ветер все злее, он поднимает и гонит
Мусор событий по парку: бесформенный ком
Терзают зубья решеток, бумага взвивается,
Падает на дорожки с тихим шлепком

И снова летит. Строптивые стаи
Налетают на статую, как на мертвеца,
Бьют по застывшим глазам, проминаются
На бесстрастных выпуклостях лица,

Скребут по славному имени. Все это газетное
Воинство казнит погруженьем во мглу
То, о чем мы собирались подумать,
Выворачивает, перекручивает в темном углу

Людские слова, по канавам бьется в падучей
У ног полисмена, словно затоптанный снег,
Который рядом с его томительным одиночеством
Чавкает, укладываясь на ночлег.

К дьяволу! Под копыта императорской лошади!..
Когда на рассвете из ясной сухой полутьмы
Голос диктора проворкует, как голубь,
И от душевной смуты, от смутьяна-города мы,

Выползая из темного зева подземки,
Возвращаемся к жизни, к свету весны,
Неся утренний выпуск, когда идем по аллеям,
Где подобные ангелам люди, чьи лица бледны,

Деловито орудуя палкой, в мешки собирают
Мусор вечера, — ступая по пеплу умерших страниц,
Мы спугиваем твердым утренним шагом
Распевшихся в общественных зарослях птиц.

Речь по поводу отмены закона Маккарена

Как сказал некогда Вулфстэн, паутина прочна:
Какой бы не дул ветер, — паук за нее спокоен.
А история, безошибочная в своих ошибках,
Разрывает ткань жизни, если даже она из серебра.

Я говорю не об окнах, разбитых бомбежкой,
Не о спутанных проводах, не об осколках стекла.
Пыльца розы станет розой,
Радужная щебенка сложится в храм.

Я говорю не о разрушении железнодорожной сети,
Это не столь уж большая беда. Как сказал Вулфстэн, —
Измена в убеждениях, в чести, в любви —
Вот что открывает корсарам нашу дельту.

Должен ли один человек гнать десятерых
Испуганных от моря к морю? Мысль, будь свободной.
Я говорю о духовной ткани, о нервной системе,
О честном разуме, о надежных делах.

Она

Ее краса в адамовом лесу —
Что значила, когда она явилась
В его владенья, как господня милость?
Настигло лик различие. Красу

Она взяла в светающем покое
У солнца, длинных листьев и дождя,
Отнюдь ни в чем на них не походя.
Очнулся он — пред ним лицо иное.

Потом она средь авелевых стад
И каиновых нив брела, любому
Желанная, и шла краса на спад,
Волос колосья выцвели в солому,

И стало дело каждое по ней.
В батисте складчатом, литой колонной
Она тянулась робко за короной
И в глухоманной башне без огней

Сиятельной затворницей была,
Дарила милостью на поле брани,
И силуэтом стрелчатым в тумане
По саду хмурым вечером текла,

Плыла на запад в рострах каравелл,
Прошла империй девственные дебри,
Луна, безвинная в своем ущербе,
Богиня на потребу жадных тел...

Долина, лань, трава, машина, храм, —
Светлоименнее и безымянней
Звезды рассветной, милое мерцанье,
Чей беглый свет и не постигнуть нам,

Чьи появленья — свет недолгих дней,
Пока в сердца не натекут потемки,
Где ей цвести, подобно камнеломке,
На страсти, ставшей грудой камней.

Уход со сцены

На лето оторопь нашла.
Ромашке в поле стало одиноко.
На всем — последнего тепла
Скупая поволока.

И каждый звук обмяк, поблѣк
Там, где истлело лето в поле жалком.
В сухой траве ползет сверчок
Разбитым катафалком.

Тропа над берегом

Обычный глинистый залив,
Но каждый камень, карамели глаже,
Так глянецвит и прихотлив!..
Наверно, так же на испанском пляже
Джордж Борроу, оцепенев, глядел
На сотни обнаженных женских тел.

Должно быть, вид их был похож
На эти груды, на улов тяжелый
Плечей и голеней, где сплошь
Изгибы, складки; их избыток голый —
Владей Джордж Борроу хоть миллионом глаз —
Его не влек бы, как меня сейчас.

Быть может, свет порозовел —
Округлости камней в потеках алых,
Лежат вповалку груды тел.
Кровь Жерико пунцовеет на скалах,
Как будто здесь разграблен караван
И все скончались от смертельных ран,

А те, кто совершил разбой,
Пыль завивая, скачут прочь, и это —
Как отбегающий прибой,
Но кровь тускнеет в перемене света,
И ветер свеж, и пепельная тень
От облаков преображает день.

И если все еще они —
Тела, то в них не сон, а разложение,
Финал освенцимской резни,
Пласты холодной глины, погруженье
Во мрак, где спят они в глуши земной,
Как галька под приливной волной...

Но беглый страх, как чуткий страж,
Велит прогнать видений мрачных свору,
И рассыпается мираж,
И я в реальном нахожу опору —
И думаю, как испокон веков
Утес, вознесшийся до облаков,

Старел, пока не стал седым,
Когда земля, как сжавшаяся шкура,
Закутанная в пар и дым,
Огонь кипящий пропускала хмуро,
И струи кварца в трещины текли,
И магма из глухих реторт земли

Рвалась через пласты, тесня
Пузырчатые сгустки в хриплом горле,
И ветры — до шестого дня
И дня людей — песком и градом терли
То, что потом под гнетом ледника
Обкатывалось, глыбилось, пока

Не стало тем, что возле вод
Легло: Адам и Ева, чьи изгибы
Меняет солнца поворот.
Три девушки, три золотые рыбы,
Под сгиб большой руки легли в тиши —
Посоленные морем гольши...

Я знаю, в чьем-нибудь окне
Сейчас газета крылья простирает,
Кричит и плачет о войне.
Но день цветет и волнами играет,
И чайка вьется, тая у волны,
Как белизна на фоне белизны, —

И радость разум мой слепит:
Сказать по чести, все в конечном счете
Обрящет свой уклад и вид
Согласно назначенью данной плоти,
Подобно этим спящим племенам.
И да поможет их безмолвье нам.

Прости

Пять дней я звал, но он не слышал зова, —
Мой мертвый пес, лежавший под сосной,
В траве и жимолости, в самый зной.
И я, кто так любил его, живого,

Уже был близко, весь глаза и слух,
Вбирая запах жимолости пряный
И тот, другой, тяжелый и дурманный,
Потом ужасное жужжанье мух

И страх!.. Тогда мне миновал десятый,
И было ясно на дворе моем.
Я этого не знал ни за зверьем,
Ни за людьми... Отец пришел с лопатой

И закопал его... Вчера во сне
Трава, сверкнув зеленым жутким светом,
Вдруг раздалась, и пес на месте этом
Возник, и снова стало страшно мне.

Он был в крови тяжелого заката,
Над ним псалмы слагал мушиный рой,
Смерть сделала его глаза норой, —
И, вскрикнув, попросил я виновато,

Чтобы меня простил молчащий пес...
Былое — в нас. Ложь или правда снилась —
У смерти я теперь прошу, как милость,
Прощенья... Плачу и не прячу слез.

Октябрьские клены в Портленде

Усталая листва в канун облета
Так безысходно напряглась, цедя
Спокойный свет сквозь шумные решета,
Как будто ей и время не судья.

Полузабытый, вновь печет нам плечи
Багряный ливень. И со всех углов
На нас струится Троицы наречье
Сквозь золото кленовых куполов.

Свет кленов — он погаснет, но сначала
Он, освежив все наше существо,
Пятнает нас так въедливо и ало,
Что не свести, как ни своди его.

Так Мери в сказке, выстирав платок
(А сказки нам идут порою впрок),
Повесила его на розмарине —
И куст в кисейной синеве поблѣк.

Смотри, как пламя иссякает в сини.

Любовь кукол

Когда еще вязалась в мире завязь,
Их свел глухой инстинкт, и наугад
Они сошлись, в объятье тесном сплавясь,
И общим стал остекленелый взгляд.

Еще апрель дремал, не став апрелем,
А те, приход тепла опередив,
Утешили тела нехмельным хмелем
В сближении, похожем на разрыв.

Чем это было? Бурею в стакане,
Где каждому, чем горячее миг,
Тем холодней желанное касанье,
И впереди, как ни гони, тупик,

Где, пробегая мостик, в замокходишь
И, обмерев, в чертоге ледяном
Ненайденную в странствиях находишь
Принцессу, околдованную сном?..

Метель прошла, их взгляды оживали,
И каждый, настрадавшись, не был сыт.
Но слезы их на лицах отмывали
Их личность — их ни с чем не схожий вид.

И устыдясь, что их тепло живое
Не растопило отчужденья лед,
В слепом порыве клятву дали двое —
Делиться тем, что им недостает.

И снова робко обнялись — две тени,
Две пустоты, — и грянул гром с небес,
Настроивший ручьи на лад весенний
И пробудивший всех пичуг окрест!

На исходе года

Уже зима следит за смертью года,
И обжита неспешным снегом тьма,
И матовые замерли дома —
Кристаллы света, сгустки кислорода,
Застывшие пруды, где пленку льда
Еще колеблет вязкая вода.

Опавшая листва под косогором,
Прибитая к воде, вмерзает в лед,
Чтоб извиваться зиму напролет,
Подобно околдованным танцорам,
Где каждый, в позе жалостной простерт,
Тончайший — самому себе — офорт.

С каким величием на валун когда-то
Лег папоротник хрупкою щекой...
Безвременным стал временный покой
Для мамонта — безмолвная палата
Смирения, где серый лед порос
Столетиями... В клубок свернувшись, пес

Все крепче засыпал в помпейском пепле,
Когда, застав людей врасплох, зола
Оцепенила сонные тела —
И, ждавшие иного солнца, слепли
Глаза, и в них — точеные черты
Не воплощенной в камне красоты...

На кромке года впору отдышаться.
А мы в бессмертье ищем тайный год.
Но рвется связь времен. Еще бы год,
Хотя бы год!.. Гул радиооаций
Заносит новогодняя пурга.
Кричат колокола, молчат снега.

Музейный экспонат

Здесь в мягких туфлях добрый страж
Мышонком коротает век,
Он беспристрастен и учтив,
Хоть вам и нравится Лотрек.

В покойном кресле у стены
Другой вздремнет, потупя взор.
Танцовщица Дега сверлит
Его сияющий пробор.

Воздушно кружится она.
Но как напряжена нога!
Энергию и красоту
Сплотил в одно Эдгар Дега.

(Однажды приобрел Дега
Картину Греко — у стены
Стоял шедевр. Ложась в постель,
Он вешал на него штаны.)

Мальчишка у окна

Смотреть на бабу снежную в снегу,
На холоду — ему невыносимо.
Он плачет, видя мчащуюся мимо
Его окна вечернюю пургу.
Слезливый взгляд его не достает
До бабьих глаз, глядящих не моргая.
Покинутая баба у ворот —
Как Ева, отлученная от рая.

Но бабу только радует мороз —
В тепле домашнем можно лишь растаять.
Мальчишка в доме плачет неспроста ведь.
Печальной бабе жаль его всерьез.
И на чернильном яблоке глазном
Мелькает вдруг слезинка состраданья
К мальчишке за светящимся окном
В тепле, в любви и в страхе ожиданья.

Площадь Испании, ранее утро

Разве забыть мне об этом:
Наверху беломраморной лестницы — руки вразлет —
Она застыла и — замедленным пируэтом —
Спорхнула на площадь, которую усыпил водомет.

На лице ее не было выраженья,
Лишь глубокое одиночество. Кружась в забытьи, —
Это была не девушка, а фея круженья,
Греза этих мест во плоти.

Словно веточка, которая, в водоеме играя,
Медленно кружится и с высоты
Падает вместе с водой, достигнувшей края, —
Красота, не знающая своей красоты.

Барочный фонтан на вилле Шарра

Под бронзовым венцом (его охват
Великоват для крошки херувима,
Чьи ноги пожирает змей) каскад
Звенит в косицах струй, летящих мимо

Замшелых плит, чтобы себя разбить
О раковину нижнюю и в третью —
Массивную — упасть, за нитью нить
Над краем расплескать, и светлой сетью

Накрыть — подобьем летнего шатра —
Семейство фавнов с милою гусыней...
Счастливый тем, как радужна игра
Расхристанных и невесомых линий

И пыль воды учтива, — пышный бог,
Кем раковина в вышину подъята,
Глядит, как у его косматых ног
Дурачатся невинные фавнята.

Тем временем, чуть наклонясь вперед,
Его фавнесса, в пестрой ткани зыбкой
Из бликов беглых, тело отдает
Мирским соблазнам и косит улыбкой

Туда, где от песка янтарно дно
Сравнимого с трилистником бассейна,
Где рябь серебряная, как вино,
Закружит голову и чародейно

Мысль унесет туда, где нет забот...
И все же эта пышность без уему,
Избыток удовольствий, водомет, —
Не слишком ли простой итог земному?

Да разве не сложнее мы стократ
В простых фонтанах, созданных Мадерной
Перед Святым Петром, где в небоскат
Вода ушла струею соразмерной,

Пока в своем стремленье к вышине
Не ощутит обратное стремленье,
И тяжесть, в небе тяжкая вдвойне,
На кроне задержавшись на мгновенье,

Не затрепещет, не осядет, — сплошь
Мерцанье комариное, двойница
Себе самой, — чтоб сотнями ладош
По плитам шлепать и собой гордиться?

И если эта ясная вода —
То, что мы есть, и чем, возможно, станем,
Достойно путь свершив, — то что ж тогда
Все эти фавны под седым мерцаньем

Неспешных струй? Они застыли тут,
Чтоб наслаждаться в стекловидном доме
Всем, что дано им, и не устают
От солнца, блещущего в водоеме,

И от приятной дозы теплых брызг,
И осуждают раздраженье наше
Своим смирением... Святой Франциск,
Который в милосердной снежной каше

Перед богатыми вратами мерз,
Узрел бы в этом, славя божье царство,
Не безделушку, а прообраз грез,
Страну цветов смиренных, государство

Травы, столь близкой и чужой всегда,
Где солнце — зрение слепых, а руки
Воды достойны, — край мечты, куда
Все наслажденья движутся и муки.

Примечания

Закон Маккарена — «закон о внутренней безопасности», принятый в 1950 г. и предусматривавший регистрацию в министерстве юстиции организаций компартии и других демократических организаций в качестве «агентов иностранной державы».

Борроу, Джордж Генри (1803—1881) — английский путешественник и писатель.

Жерико, Теодор (1791—1824) — выдающийся французский живописец, один из крупнейших художников-реалистов XIX века.

Об авторах

УИЛБЕР, РИЧАРД (WILBUR, RICHARD). Род. в Нью-Йорке в 1921 г., в 1942 г. окончил Амхерстский колледж, в 1947 г. — Гарвард. Преподавал в колледжах, в 1945—1955 гг. жил в Риме. С 1957 г. — профессор английской литературы в Везлианском университете, Коннектикут. В 1961 г. посетил Советский Союз по программе культурного обмена. Член Американской академии и Национального института искусств и литературы. Р. Уилбер — автор шести книг стихов: «Прекрасные перемены» (“*The Beautiful Changes*”, 1947), «Церемония» (“*Ceremony*”, 1950), «Вещи этого мира» (“*Things of This World*”, 1956, премия Пулитцера и Государственная ^A премия), «Совет пророку» (“*Advice to a Prophet*”, 1962), «Стихи» (“*Poems*”, 1963), «Дорога к сну» (“*Walking to Sleep*”, 1969)

Содержание

Событие. Перевод А. Сергеева	244
Развивая Ламарка. Перевод А. Сергеева	245
Совет пророку. Перевод П. Грушко	245
После последних известий. Перевод П. Грушко	247
Речь по поводу отмены закона Маккарена. Перевод П. Грушко	248
Она. Перевод П. Грушко	248
Уход со сцены. Перевод П. Грушко	249
Тропа над берегом. Перевод П. Грушко	250
Прости. Перевод П. Грушко	251
Октябрьские клены в Портленде. Перевод П. Грушко	252
Любовь кукол. Перевод П. Грушко	253
На исходе года. Перевод П. Грушко	254
Музейный экспонат. Перевод П. Грушко	254
Мальчишка у окна. Перевод А. Сергеева	255
Площадь Испании, раннее утро. Перевод П. Грушко	255
Барочный фонтан на вилле Шарра. Перевод П. Грушко	256

^A National Book Award — Национальная книжная премия. (Прим. автора электронной версии.)